Л. Б. Парубченко
Россия, Барнаул

Письмо как результат и письмо как процесс: К дискуссии об основном принципе русского письма[1]

Современное русское письмо основано на трех принципах: фонематическом, фонетическом и традиционном. Фонематическое правило русского письма впервые было сформулировано И.А. Бодуэном де Куртенэ и имело следующий вид: «В местах зависимого произношения применяются графемы, заимствованные из мест произношения независимого» [Бодуэн де Куртенэ 1912: 81].

Определение И.А. Бодуэном де Куртенэ характера русского письма, а также сформулированное им в 1881 г. определение фонемы как единицы функциональной оказалось плодотворным для теории Московской фонологической школы. В работах авторов МФШ фонематический принцип русского письма получил исчерпывающую определенность: «… Звуковые отличия при фонологическом письме не передаются, так как они – результат артикуляционного приспособления к фонетическим условиям и не связаны с изменением значения корневой морфемы» [Аванесов, Сидоров 1930: 111]. Далее: «Фонологическое письмо <…> передает не звуки в отрыве от их значения, а фонемы. Поэтому фонологическое письмо, в отличие от фонетического, основано не на соответствии буквы и звука, а на соответствии буквы и фонемы» [Там же: 112]. В более поздней работе: «Одни и те же буквы алфавита обозначают фонему во всех ее видоизменениях, как бы она ни звучала в том или ином фонетическом положении» [Ильинская, Сидоров 1953: 8].

Таким образом, фонематический (= фонемный, фонологический) принцип русского письма – такой, в котором не передаются позиционные варианты и вариации фонем. Буква для обозначения фонемы выбирается по ее звучанию в сильной позиции, позиции максимальной независимости от звукового контекста. Фонематический принцип русского письма является доминирующим: ему подчиняется до 95% употреблений букв [Обзор 1965: 36]. Фонетический принцип – такой, при котором буква обозначает звук. Его действие ограниченно: по фонетическому принципу пишутся, как обычно считают, буквы *з, с* на конце приставок: *ра**с**сказать, ра**з**нести*, однако и на этом участке фонетический принцип выдерживается непоследовательно, ср.: *бе*[ж]*жалостно, ра*[ш’]*считать, бе*[с]*вкусный* (подробнее см.: [Кузьмина 1981: 251]). Традиционный (= условный) принцип – такой, при котором буква обозначает не фонему, и не звук, а является своего рода знаком исторического соглашения пишущих по-русски: ***вок**зал* (не *вАГзал*), *доч**ь**, берече**ь**, мыш**ь*** вместо фонематических написаний *доч_, береч_, мыш_*; *ц**ы**ган, Цариц**ы**н, ч**ё**рный, ш**ё**л* – вместо *ц**и**ган, Цариц**и**н, ч**о**рный, ш**о**л*; *его* вместо *е**во**, коне**ч**но* вместо *коне**ш**но, р**а**стет* вместо *р**о**стет, г**о**рит* вместо *г**а**рит* и т.п. В числе традиционных обычно рассматривают и т.н. дифференцировочные написания: *подж**ё**г дом – подж**о**г дома*. Традиционные написания называют иероглифическими, имея в виду их немотивированность современными языковыми отношениями [Панов 1981: 115]. Фонетический и традиционный принципы являются маргинальными, им подчиняется незначительная часть употреблений букв. Так интерпретируют русское письмо ученые Московской лингвистической школы: Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров, П.С. Кузнецов, И.С. Ильинская, А.А. Реформатский, М.В. Панов, Л.Н. Булатова, С.М. Кузьмина, Т.М. Григорьева и др.

---

[1] Опубликовано в сб: Письменность славян: прошлое, настоящее, будущее. Gdańsk – Красноярск, 2006. С. 96–110.

Лингвисты, принадлежащие к Ленинградской фонологической школе,[2] оспаривают фонематический принцип русского письма и используют понятие морфологический принцип, при этом в разное время содержание этого понятия в работах ученых этой школы разное.

Поначалу морфологический принцип трактуется «ленинградцами» как принцип единообразия обозначения на письме морфем, без уточнения того, какие именно фонетические единицы должны обозначаться одной буквой – участвующие: 1) в позиционных, 2) в исторических чередованиях.

А.Н. Гвоздев: «Сущностью морфологического принципа является то, что при графическом воспроизведении речи исходят из морфологического состава слов, на письме фиксируются составляющие их морфемы, при этом графический образ морфем остается единым и неизменным в разных фонетических условиях их употребления» [Гвоздев 1960: 4. Разрядка моя – Л.П.].

Л.В. Щерба: «Морфологический принцип заключается в том, что каждая значащая часть слова (приставка, корень, суффикс, окончание) пишется всегда одинаково, хотя произношение этой части слова в разных фонетических условиях может быть разным» (цит. по: [Гвоздев 1960: 4. Разрядка моя – Л.П.]).

В.Ф. Иванова: «Существо морфологического принципа, в соответствии с которым можно писать только *дуб – дубы*, заключается в том, что в целях сохранения морфологических аналогий, обеспечивающих ясность и быстроту понимания формально-смысловых отношений в языке, морфемы передаются на письме, несмотря на их различное произношение в потоке речи, *по возможности* единообразно» [Иванова 1976: 237. Разрядка автора цитаты, курсив мой. – Л.П.].

Обратим в последней цитате внимание на любопытное *по возможности*: оно, по-видимому, говорит о том, что единообразия может и не быть. Действительно, морфологический принцип как принцип единообразия передачи морфем уязвим.

Прежде всего, требованию единообразия отвечают лишь морфемы с позиционными чередованиями гласных и согласных: *в*[а]*да – в*[о́]*ды – во**д**а, ду*[п] *– ду*[б]*ы – ду**б**, хво*[с’]*тик – хво*[с]*т – хво<u>ст</u>*. В морфемах с историческими чередованиями принцип единообразия не выдерживается: *рука – ручной* (не **рукной*), *нога – ножка* (не **ногка*), *свистеть – свищу* (не **свистю*) и т.п.

Между тем непозиционное варьирование морфем представлено достаточно широко. Так, Б.И. Осипов в результате анализа небольшого отрывка стихотворного текста обнаружил, что морфемы с историческими чередованиями составляют половину морфем в тексте, «а с учетом всех других обстоятельств морфем, не имеющих вариантов написания, в тексте «чуть больше трети – 37%» [Осипов 2001: 49. Разрядка моя – Л.П.].

Такое положение дел понуждает сторонников морфологического принципа к уточнениям «в направлении принципа фонематического». Например, А.Н. Гвоздев, утверждая, что «русская орфография построена на морфологическом принципе, сущность которого сводится к тому, что значимые части слов (морфемы) сохраняют на письме единое обозначение», добавляет: «При этом буквенный состав передает фонетический состав морфем отдельно для каждого звука в наиболее дифференцированном его положении: гласные наиболее дифференцированы под ударением, согласные – в положении перед гласными и сонорными» (цит. по: [Зиндер 1969: 60]). Ср. также: «Согласно морфемному принципу, живые чередования фонем в пределах одной морфемы не учитываются, поскольку правила графики обеспечивают в каждом случае правильное чтение написанного» (Зиндер 1979,

---

[2] Используем термин *Ленинградская фонологическая школа*, а не вошедший в употребление после переименования города *Петербургская...*, вслед за М.В. Пановым, который считал, что «ее Петербургской называть ни в коем случае нельзя, потому что когда она господствовала, то Петербурга *уже* не было – и *еще* не было» [Панов 2004].

с. 288). Из современной работы: «Если на письме передаются только непозиционные изменения фонем, а позиционные не передаются, то такой принцип орфографии называется морфологическим» (Осипов 1999, с. 13).

Другое уязвимое место морфологического принципа как принципа единообразия буквенного облика морфем – то, что он не определяет, как именно должна писаться морфема. М.В. Панов: «На вопрос, как писать слова: [гълавá] – [галóф] – [гóлъвы] – дается ответ («морфемной» теорией орфографии): пишите одинаково. Но это не ответ. Сказав, что два объекта должны быть одинаковы, мы еще не дали им никакой характеристики. Морфемы мы, действительно, нередко пишем одинаково (не всегда!). Но как выбрать этот единый буквенный облик слова? Пишем: *дуб – дубы*. В одном случае написание передает произношение: *дубы*, в другом – нет: *дуб*. Почему тогда нельзя писать *дуп – дупы*? И здесь тоже в одном случае произношение и правописание совпадают, а в другом нет. На этот вопрос теория «морфологического принципа не может дать ответа. (Ведь в обоих случаях сохраняется единство написания корня)» [Панов 1981: 127]. Ответ дает фонематический принцип: из двух возможных написаний выбирается то, которое передает фонему в сильной позиции: *ду**б**ы*.

Примечательно, что уже через год после выхода книги «Современный язык. Графика и орфография», где морфологический принцип определялся как принцип единообразия *по возможности* (см. выше), В.Ф. Иванова даст определение, фактически совпадающее с «московским» фонематическим: «Морфологическим принципом правописания называем такой способ обозначения фонем, при котором фонемы слабых позиций, связанные отношением позиционного чередования с фонемами сильных позиций, обозначаются – с целью сохранения графического единообразия – буквами, адекватными фонемам сильных позиций» [Иванова 1977: 165. Разрядка моя. – Л.П.].

Предпочтение «ленинградцами» морфологического принципа перед фонематическим неизбежно в силу самого понятийного содержания «ленинградской» фонемы, при котором в словах *в*[ó]*ды* и *в*[а]*да* в корне разные гласные фонемы: в слове *вóды* – /о/, а в слове *вода* – /а/; а в словах *моро*[з]*ы, моро*[с] в корне разные согласные фонемы: /з/ и /с/. Понятно, что признание фонематического принципа письма «ленинградцами» означало бы либо признание законными написаний ***вада, марос*** и т.п., либо отречение от «ленинградской» фонемы. Тем самым для «ленинградцев» фонематический принцип письма невозможен по самому существу ленинградской фонологической теории.

Возможен ли для «москвичей» морфологический принцип? Необходимо отметить, что с самого начала у «москвичей» не было такого безусловно-неизбежного неприятия морфологического принципа, как у «ленинградцев» – фонематического. Это связано с тем, что само понятие, вкладываемое в термины «словопроизводственный», «этимологический» и, в дальнейшем, «морфологический» принцип письма, формировалось в дофонологический период отечественного языкознания, когда фонологическая терминология практически отсутствовала (кроме понятия фонемы, сформулированного Бодуэном де Куртенэ в 1881 г.). Тем не менее определения морфологического (словопроизводственного, этимологического) принципа письма в работах фортунатовцев фактически были определениями принципа фонематического, аналогично самим предложениям фортунатовской Орфографической комиссии, подготовившей реформу 1918 г., когда, по словам М.В. Панова, «... хотя о фонематической орфографии никто не беспокоился, рекомендации Орфографической комиссии были единонаправленными: отменялись традиционные написания в пользу поддержанных живыми языковыми связями, в пользу фонематических написаний. (Это верно для всех новшеств, кроме правописания приставок на <з>)» [Обзор 1965: 18].

Определение морфологического принципа письма, ориентированное на синхронные звуковые отношения, находим уже у И.А. Бодуэна де Куртенэ, автора самого

термина *морфологический принцип письма*. С одной стороны, он отграничивает принцип морфологический от принципа *фонетического*: «Принцип фонетический обусловливается одним только физиологически-фонетическим составом слов, принципы же морфологический (впрочем, этот последний только отчасти) <и др.> находятся в связи с морфологическим делением слов или с чутьем их составленными из морфологических, знаменательных частей» [Бодуэн де Куртенэ [1879] 1963; I: 113]. С другой стороны, он разграничивает морфологический и этимологический принципы: *морфологический* он называет «статическо-морфологическим», в отличие от *этимологического* – «динамическо-морфологического», и определяет их следующим образом: «Морфологический принцип правописания соответствует в области языка статическим звуковым законам, принцип же этимологический – звуковым законам динамическим» [Там же. Разрядка автора цитаты]. Как видим, между определением морфологического принципа, данного И.А. Бодуэном де Куртенэ, и современным определением принципа фонематического существенных различий нет.

Аналогичное содержание понятия *морфологический принцип*, с терминологической заменой *морфологического* на *этимологический*, соответственно словоупотреблению начала XX в., находим у Д.Н. Ушакова. Различая написания *фонетические* – «поддерживаемые теперешним произношением» – и *искусственные* – «не поддерживаемые произношением ни этих самых, ни родственных слов», Д.Н. Ушаков выделяет наряду с ними написания *этимологические*: «Этимологическими мы назовем <...> написания слов или частей слов, поддерживаемые произношением других слов или частей других слов. Большинство принадлежащих сюда случаев относится к правописанию гласных в неударяемых слогах <...> и к правописанию согласных перед согласными и в конце слов» [Ушаков 1917: 73–74. Разрядка моя. – Л.П.]. «Поддержка, оказываемая одним словам со стороны других, объясняется той связью, которая существует между этими словами в сознании каждого говорящего: они кажутся нам родственными, происходящими одно от другого, как *вода, водка, водный, паводок, наводнение*, или же составленными из однородных частей, как *спилить* и *сделать, влезать* и *входить*. <...> Она представляет собой крепкую опору при усвоении правописания. Эта живая связь может быть названа также *словопроизводством*, или *этимологией*, а потому и написания, поддерживаемые этой связью, мы назвали этимологическими» [Указ. соч.: 75].

Не трудно заметить, что языковыми иллюстрациями к определению Д.Н. Ушаковым *морфологического* принципа – в его терминологии *словопроизводственного, этимологического* – служат примеры позиционно чередующихся гласных и согласных, т.е. звуков, принадлежащих одной фонеме.

Теоретическую сущность утверждений Д.Н. Ушакова о русской орфографии хорошо передал А.А. Реформатский: «Если все сказанное перевести на другую терминологию, то получается, что не фонетизм современного языка, не традиции письма и уважение к истории, не этимология, а структурные соотношения в новом современном языке, живая связь структурных явлений – вот что должно быть основой рационального правописания» (Стенограмма, цит. по: [Панов 1995: 36]).

Такое же определение морфологического принципа, фонемное по существу, находим у раннего М.Н. Петерсона: «При установлении групп написаний надо исходить от букв, исследуя, что обозначает каждая буква. При этом может быть два случая: 1) буква может *соответствовать* произношению, и такие написания называются фонетическими, 2) буква может *не соответствовать* произношению. В написаниях второго рода можно в свою очередь можно различить две группы: а) возможность сопоставления с фонетическими написаниями, – такие написания я называю морфологическими, б) *невозможность сопоставления* с фонетическими написаниями, – такие написания можно назвать традиционными» [Петерсон 1929: 72. Курсив автора цитаты, разрядка моя. – Л.П.]. Соответственно классифицирует М.Н. Петерсон и ошибки:

*превр*Е*щая* нарушает фонетический принцип; *впечЕтление* (ср. *печать*), *дворняШка* (ср. *дворняжек*), *прАнзительно* (ср. *про́бил, про́был*) – морфологический; *говориш_* – традиционный [Указ. соч.: 76].

Тождественное толкование понятия «морфологический принцип» можно обнаружить в определении Е.Д. Поливанова, данном им в статье 1937 г.: «Состоит он (морфологический принцип – Л.П.) в допущении известных отступлений от фонетического критерия словонаписаний в сторону требования, чтобы тождественные в морфологическом отношении элементы различных слов писались одинаково, несмотря на их фонетические чередования» [Поливанов 1968: 256. Разрядка моя. – Л.П.].

Аналогично, судя по приведенным примерам, толкуется морфологический принцип В.В. Виноградовым: «Цель морфологического принципа – правописное единообразие для однородных морфологических единиц (*вод – вода, наводнение, водяной* и т.д.)» (Цит по: [Обзор 1965: 20. Разрядка моя. – Л.П.]).

Своего рода «мостик» между фонематическим и морфологическим принципами устанавливают Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров в канонической работе «Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка». Они пишут: «Передавая фонемы, а не звуки, фонологическое письмо осуществляет единство в написании морфемы. Благодаря этому фонологический принцип обычно называют морфологическим». Но оговаривают: «Такое название не вполне точно, так как «единство в написании морфемы является результатом единства написания фонемы» [Аванесов, Сидоров 1930: 113].

Таким образом, в литературе, посвященной теории русского письма, на роль доминирующего претендуют два принципа: фонематический и морфологический, последний в двух редакциях: 1) принцип единообразия буквенного обозначения морфемы и 2) принцип, тождественный фонематическому.

В работах, посвященных русскому письму, можно обнаружить и еще одно значение термина *морфологический принцип письма*, находящееся несколько в стороне от дискуссии об основном принципе русского письма. Его можно сформулировать следующим образом: морфологический принцип письма – это принцип, по которому в процессе письма минимальной единицей письма является морфема.

Такое определение морфологического принципа находим у А.И. Томсона: «...Общие соображения и изучение орфографических ошибок подтверждают главные выводы, а именно, что в наших зрительных и рукодвигательных воспоминаниях главными наименьшими единицами письма являются морфологические части; а писание по буквам и комплексам букв является лишь при плохом рукодвигательном запоминании письма, при малограмотности и некоторых других условиях» [Томсон 1903: 43. Разрядка моя – Л.П.].

У Д.Н. Ушакова: «... Для выяснения процессов грамотного чтения и письма и неважно было бы точное определение всех этих новых соотношений между звуками и буквами, так как прочный зрительный образ слова, гарантирующий правильное писание, разлагается именно не на буквы, а на иные части. Слова дробятся у нас при письме и чтении на известные составные части соответственно своему значению, а значения слов слагаются из значений корней, суффиксов, окончаний, приставок. Мы пишем и читаем не по буквам и не по слогам, а именно по составным частям слов. <...> Не звуки языка вступают в соотношения с буквами, а составные части слов языка – с зрительными образами этих частей. Эти части повторяются в разных словах (иначе бы говорящий и не сознавал их в своем языке)» [Ушаков 1917: 80–81. Разрядка моя. – Л.П.].

Аналогично определяет морфологический принцип А.Б. Шапиро: это «такое письмо, в котором отдельно обозначаемой языковой единицей является морфема – значащая часть слова» [Шапиро 1961: 32. Разрядка моя – Л.П.].

Подтверждение данных определений морфологического принципа письма находим в опыте известного ученого-методиста П.О. Афанасьева: «...Совершенно неправильно считать, что мы слово воспринимаем именно по звукам. Мы его воспринимаем в словообразующих частях. Этот навык восприятия слова в словообразующих частях, оказывается, воспитывается очень рано, даже в дошкольный период. Ребенок, который только учится говорить, воспринимает и членит слово не на отдельные составляющие звуки, а на словообразующие части, на морфологические части» [Афанасьев 1936: 9. Разрядка моя. – Л.П.].

Обобщим извлеченные из научной литературы формулировки основного принципа русского письма в виде таблицы-схемы.

Термины-понятия, обозначающие основной принцип русского письма

Фонематический принцип	Морфологический принцип		
«Буква обозначает фонему в сильной позиции»: *Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров, И.С. Ильинская, А.А. Реформатский, М.В. Панов, Л.Н. Булатова, С.М. Кузьмина и др.*	1) «Требование единообразия в обозначении морфемы»: *Л.В. Щерба, А.Н. Гвоздев, В.Ф. Иванова и др.*	2) «То же, что фонематический»: *И.А. Бодуэн де Куртенэ, Д.Н. Ушаков, М.Н. Петерсон, Е.Д. Поливанов, Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров, В.В. Виноградов, Л.Р. Зиндер, В.Ф. Иванова, Б.И. Осипов и др.*	3) «Поморфемный процесс письма»: *А.И. Томсон, Д.Н. Ушаков, А.Б. Шапиро, П.О. Афанасьев и др.*

Можно заметить, что между формулировками первых трех граф, с одной стороны, и четвертой графы, с другой, – существует различие. Первые три формулировки определяют принцип письма «по написанному», статически; четвертая – в процессе письма, динамически.

Отмеченное различие согласуется со словарными значениями слова *письмо*: предметно-результативным: «Графические знаки, начертания для передачи, запечатления речи на каком-нибудь материале. *История письма. Изобразить что-н. с помощью письма или на письме. Отношение письма к языку*» – и процессуальным: «Умение, способность писать. *Искусство письма известно с очень древних времен. Учиться письму. Различные способы письма*» («Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова).

Можно считать, что два словарных значения слова *письмо*: ‘результат’ и ‘процесс’ – ставят перед теорией письма два вопроса: 1) *как написано слово*? и 2) *как пишется слово*? Ответы на эти вопросы – в связи с предметом разговора – окажутся разными.

Если понимать под принципом письма ответ на вопрос: как написано слово? – т.е. что обозначает буква на письме? – то не приходится спорить с тем, что доминирующий принцип русского письма фонематический, согласно которому буква обозначает на письме фонему (= ряд позиционно чередующихся звуков) по ее звучанию в абсолютно сильной позиции.

Если понимать под принципом письма ответ на вопрос: как пишут люди, владеющие нормативным письмом? – то «принцип письма», а точнее – «характер», «процесс», «механика», «технология» и т.п. «окажутся» морфологическими: действительно, пишем и читаем мы «не по буквам и не по слогам, а по составным частям слов» [Ушаков 1917: 80–81], по морфемам, передавая и воспринимая их фонемный состав. Добавим, что «морфологической» является и правильная (= результативная) методика обучения грамотному письму.

Другие два значения термина *морфологический принцип* (см. таблицу) можно оценить как не имеющие научной перспективы: 1) морфологический принцип как единообразие

воспроизведения на письме морфем, как доказано самими же «ленинградцами» [Осипов 2001], покрывает лишь часть языкового материала – морфемы с фонетически-позиционными чередованиями; 2) морфологический принцип как обозначение фонем «буквами, адекватными фонемам сильных позиций» [Иванова 1977: 165] избыточен: он повторяет «московскую» формулировку фонематического принципа.

ЛИТЕРАТУРА

• ***Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.*** Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // Русский язык в советской школе. 1930. № 4. С. 110-118.

• ***Афанасьев П.О.*** Грамматическая база орфографической работы // Русский язык в школе. 1936. № 2. С. 19–27.

• ***Бодуэн де Куртенэ И.А.*** Некоторые отделы «сравнительной грамматики» славянских языков // Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 118–126.

• ***Бодуэн де Куртенэ И.А.*** Об отношении русского письма к русскому языку. С.-Петербург, 1912.

• ***Гвоздев А.Н.*** Об основах русского правописания. М., 1960.

• ***Зиндер Л.Р***. Графика и орфография // Общая фонетика. Изд. 2. М., 1979. С. 281–290.

• ***Зиндер Л.Р.*** К итогам дискуссии о русской орфографии // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 56–63.

• ***Иванова В.Ф.*** Принципы русской орфографии. Л., 1977.

• ***Иванова В.Ф.*** Современный русский язык. Графика и орфография. М., 1976.

• ***Ильинская И.С., Сидоров В.Н.*** Современное русское правописание // Уч. зап. МГПИ им. В.П.Потемкина. Т. XXII. Вып. 2. М., 1953. С. 3–40.

• ***Кузьмина С.М.*** Теория русской орфографии. Орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. М., 1981.

• ***Обзор 1965*** – Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 1965.

• ***Осипов Б.И.*** Морфологический и фонематический принципы орфографии: сходство, различие и методические следствия // Лингвистика и школа. Барнаул, 2001. С. 41–54.

• ***Панов М.В.*** Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество / В кн.: Д.Н. Ушаков Русский язык М., 1990. С. 8–40.

• ***Панов М.В.*** Преподавание русского языка в школе. Зачем школе нужна теория фонем? // Русский язык. Еженедельная газета объединения педагогических изданий «Первое сентября». № 3 (410). М., 2004.

• ***Панов М.В.*** Фонетика // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981. С. 33–132.

• ***Петерсон М.Н.*** Современный русский язык. М., 1929.

• ***Поливанов Е.Д.*** О трех принципах построения орфографии [1937] // Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 255–262.

• ***Томсон А.И.*** К теории правописания и методологии преподавания его в связи с проектированным упрощением русского правописания. Одесса, 1903.

• ***Ушаков Д.Н.*** Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе [1911]. 2-е изд. М., 1917.

• ***Шапиро А.Б.*** Русское правописание. Изд. 2. М., 1961.

Парубченко Любовь Борисовна

Алтайский государственный университет,
профессор, зав. каф. совр. русского языка,
доктор филол. наук.
656053, Барнаул, Катунская 31–1.
Дом. тел.: (8-385-2) 41-26-09; служ.: 366-384
e-mail lbpar@mail.ru

ПИСЬМО КАК РЕЗУЛЬТАТ И ПИСЬМО КАК ПРОЦЕСС:
К ДИСКУССИИ ОБ ОСНОВНОМ ПРИНЦИПЕ РУССКОГО ПИСЬМА

В статье анализируется литература о фонематическом (Москва) и морфологическом (Ленинград) принципах русского письма; выявляется стоящее в стороне от дискуссии, отличное от «ленинградского», но отчетливо заявленное в классических работах процессуальное значение термина *морфологический принцип*, под которым понимается поморфемный (в отличие от пофонемного или послогового) процесс письма.